

*К.В. Каменский*

## **ИНТЕГРАЦИЯ ДИСКУРСОВ В СТИХОТВОРЕНИИ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА «ЛУННЫЙ СВЕТ»**

### **Аннотация**

Велимир Хлебников – уникальный представитель культуры Серебряного века, поэт, который был погружен не только в литературно-художественную сферу, но и в контекст нового естествознания. Кроме того, он изучал сочинения европейских философов и разрабатывал утопические проекты мироустройства. Статья посвящена исследованию стихотворения «Лунный свет» В. Хлебникова. Рассматриваются особенности представления в произведении различных типов дискурса (художественного, философского, научного). Данный текст был создан в 1919 г. в рамках экспериментально-психологического исследования, проводимого профессором В.Я. Анфимовым для изучения творческих способностей автора. В стихотворении «Лунный свет» на авторской историософской основе сочетаются лирическая тональность и научное рассуждение, в поэтической форме осмысливаются «законы времени» – один из центральных образов-концептов Хлебникова. В статье проводится литературоведческий анализ стихотворения с применением биографического, герменевико-интерпретационного, структурно-описательного и рецептивного методов исследования, дискурсивного анализа. Обстоятельно рассматриваются формальные (композиция, средства выразительности, рифма) и содержательные (лирический сюжет, значение художественных образов) элементы произведения в аспекте междискурсивных связей. Делается вывод о продуктивном характере интеграции в творчестве В. Хлебникова различных типов дискурса и о возможности анализа других произведений автора с помощью представленной в статье методологии.

### **Ключевые слова**

Велимир Хлебников; Будетлянин; дискурс; русский футуризм; поэзия Серебряного века.

*K. V. Kamensky*

## INTEGRATION OF DISCOURSES IN VELIMIR KHLEBNIKOV'S POEM "MOONLIGHT"

### Abstract

Velimir Khlebnikov is a unique representative of the Silver Age culture, a poet who was immersed not only in the literary and artistic sphere, but also in the context of the new natural science, and studied the works of European philosophers, developed utopian projects of world order. The article is devoted to the study of the poem "Moonlight" by V. Khlebnikov. The peculiarities of representation of different types of discourse (artistic, philosophical, scientific) in the work are considered. This text was created in 1919 within the framework of experimental-psychological research conducted by Professor V.Y. Anfimov to study the creative abilities of the author. In the poem "Moonlight" on the author's historiosophic basis combines lyrical tone and scientific reasoning, in poetic form comprehends the "laws of time" – one of the central images-concepts of the author. The article analyzes the poem with the use of biographical, hermeneutic-interpretation, structural-descriptive and receptive methods of research, discourse analysis. The formal (composition, means of expression, rhyme) and substantive (lyrical plot, meaning of artistic images) elements of the work in the aspect of interdiscursive relations are thoroughly considered. The conclusion is made about the productive nature of integration of different types of discourse in V. Khlebnikov's work and about the possibility of analyzing other works of the author with the help of the methodology presented in the article.

### Key words

Velimir Khlebnikov; Budetlyanin; discourse; Russian Futurism; Silver Age poetry.

Велимир Хлебников начал свой путь в среде русского символизма, но достаточно быстро его преодолел. Номинально Будетлянин был лидером русских кубофутуристов и на каждого из них оказал определенное влияние. Тем не менее крайняя оригинальность творческого мышления выделила автора и среди его поэтических коллег-бунтарей. Ю.Н. Тынянов писал о том, что в связи с Хлебниковым «можно и не говорить о символизме, футуризме, и необязательно говорить о зауми» [Тынянов 2000, 214], то есть вовсе выводил поэта за пределы современных ему литературных течений. Тем самым ученый кратко отметил уникализм Хлебникова, но в чем же состоит особость его художественного стиля?

Воспитание в ученой среде, способность к точным наукам, интерес к окружающему миру, горькое переживание судеб родины – те немногие обстоятельства, которые определили включенность Хлебникова в научный и социокультурный контекст рубежа веков. После поражения России в Русско-японской войне Хлебников дал себе обещание найти глубинные причины происхождения человеческих войн. Он был уверен, что различные исторические события (сражения, возникновение и падение государств, рождение великих мыслителей и др.) обуславливаются некими объективными законами. Их поискам он и посвятил свою жизнь. Хлебников разработал уникальную историософию, которая основывалась на математических вычислениях. С помощью нее поэт-теоретик выводил закономерности наступления тех или иных событий в прошлом и будущем. Данное устремление не было сплошь научным или философским и зачастую обретало поэтическую форму выражения.

Е.Н. Боклагов отмечал, что «мысли Хлебникова <...> тесно в рамках литературы» [Боклагов 2000, 25] и что за ним стояла «прежде всего культура естественнонаучной мысли» [Боклагов 2000, 3]. Два этих тезиса теоретически определяют то, почему в идиостиле поэта особым образом интегрируются методы искусства, науки и философии. Кроме естественно-научных дисциплин и математики, в связи с Будетлянином нельзя упускать из вида и филологию. Н.Л. Степанов точно заметил, что «источки поэзии Хлебников видел в самом языке, в его истории, в этимологии слова» [Степанов 1975, 126], а В.П. Григорьев вовсе называл художественно-лингвистические опыты поэта *воображаемой филологией* [Григорьев 2000, 445–446]. Хлебников никогда не стремился к растворению смысла в звукобуквенных комплексах, как А. Кручёных, поскольку для Велимира слово всегда оставалось значимым [Степанов 1975, 143]. Не стоит игнорировать и философскую сторону творчества, которая, с одной стороны, проявляется в знакомстве с сочинениями западноевропейских мыслителей (Б. Спинозы, Г. Лейбница, Ф. Ницше и др.), а с другой – в своего рода пропаганде особого понимания времени и языка.

Таким образом, творчество Хлебникова существует на гетерогенной основе, сочетающей художественные, научные и философские элементы, которые образуют интегративный идиостиль автора. Применительно к данной теме С.А. Васильев отмечает, что Будетлянин явно нацелен «на синтез, однако синтез далеко не всегда художественный по своим доминантам (например, математический, философский, естественно-научный и т.п.)» [Васильев 2015, 22]. Непосредственно об обозначенной нами проблематике пишет И.Ю. Ивановщина:

Провести родовое, жанровое, функциональное разграничение текстов В. Хлебникова невозможно. Их стилистическая пестрота обусловлена принципиальным совмещением разных дискурсов: научно-художественного, литературно-критического, философского [Ивановщина 2003, 15].

Целью данного исследования является рассмотрение функционирования различных дискурсов в творчестве Хлебникова на примере отдельного текста – стихотворения «Лунный свет» (1919).

Примечательно, что история создания данного текста включена в определенный научный контекст. Стихотворение было написано в рамках экспериментально-психологического исследования, проводимого профессором В.Я. Анфимовым, который осматривал Хлебникова на Сабуровой даче для дачи заключения о годности/негодности к военной службе. Профессор с целью «изучения способностей фантазии» предложил Хлебникову три темы: «охота», «лунный свет» и «карнавал» [Старкина 2007, 215]. На каждую из них было написано по одному произведению: стихотворения «Сказка о зайце» и «Лунный свет», а также поэма «Русалка и поэт» (в дальнейшем Н.Л. Степанов закрепил за ней название «Поэт»). Перейдем к анализу избранного произведения.

Стихотворение начинается с характерной для некоторых текстов Хлебникова (например, см. знаковое для автора стихотворение «Заключение смехом») закликательно-мантрической интонации, основанной на поэтимологических (т.е. поэтико-этимологических) рядах слов с последующим переходом на менее яркую звукопись (здесь и далее все выделения в цитатах наши – К.К.):

**Син, сын сини,**  
Сей сонные сени и силы  
На села и сад.  
**Чураясь дня, чаруй**  
**Чарой** голубого вина меня,  
Землежителя, точно волна  
Падающего одной ногой  
Вслед другой. Мои шаги,  
шаги смертного – ряд волн [Хлебников 2020, II, 65].

В первых пяти строчках воплощается одна из лингвопоэтических разработок автора – теория о «внутреннем склонении», которую он понимал как «падежи внутри слова» [Хлебников 2020, VI, 33]. В сущности, «внутреннее склонение» основывалось на чередовании корневых гласных в различных – необязательно родственных – словах (например, *бег – Бог, лес – лыс*). Данный фрагмент ярко иллюстрирует характерный для Хлебникова лингвопоэтический прием, который Оге А. Ханзен-Лёве описывает так:

Поэтическая этимология или каламбур реализует на «семантическом уровне» как смысловые ассоциации те структуры повтора, которые конструктивны для «фонетико-ритмического» и «морфолого-синтагматического уровня» [Hansen-Löve 1978, 133] (перевод с немецкого наш – К.К.).

Паронимизированный словесный ряд, действительно, задает вектор звучания и посредством синтактики формирует образную систему текста. Лирическое «Я» обращается к аккадскому богу луны Сину с просьбой усыпить людские сады и села. При этом Син посредством ассоциации генетически связывается с синим цветом, разлитым в природе. Автор мифопоэтизирует образ Сина, объявляя его сыном синего неба, в то время как на самом деле он является сыном Энлиля, бога земли и воздуха [Дуганов 1990, 92]. Следовательно, в образе Сина осуществляется концептуальное связывание небес и земной тверди. Сила Сина интерпретируется через понятие «сон», что совместно с другими образами создает художественное пространство лунной усыпляющей ночи.

Для воплощения следующей просьбы – очаровать лирического героя лунным светом – поэт сближает понятия чурания и чар. Здесь проявляется реминисценция поэтимологических разработок раннего творчества (см. стихотворение «Мы чаруемся и чураемся» [Хлебников 2020, I, 92]). Вслед за этим обозначается постепенный переход от художественного дискурса к научному, но намеченному пока лишь опосредованно – в образе *волны*. Лирический герой выражает желание быть очарованным *голубым вином Сина* (т.е. красотой лунного света). Утверждая, что «шаги смертного – ряд волн» [Хлебников 2020, II, 65], автор, в сущности, поэтически описывает звуковые и световые волны (по некоторым источникам известно, что Хлебников размышлял о волновой природе света [Кузьменко 2000, 736]). Как будет показано в дальнейшем, образ волны необходим Хлебникову в качестве концептуальной основы для дальнейшего изображения колебательных волн времени длительностью 317 дней или лет. Теоретически использование данного числа как частного случая выражения  $365 \pm 48^n$  для историсофских расчетов описано в статье «Время – мера мира» [Хлебников 2020, VI, 94–104]. Образ волны имеет для поэтики

Будетлянина существенное значение: «Цель труда Хлебникова – показать, что нашу реальность материи и времени можно рассматривать как *волновую*, и тем самым с помощью системы зеркал или досок времени начать управлять ею» [Марков 2024, 74].

Из последующего текста стихотворения следует, что герой, очарованный сиянием луны, сравнивает свет с водой: «Я купаю смертные волосы / Мои в голубой влаге твоего / Тихого водопада...» [Хлебников 2020, II, 65]. Эпизод омовения в лунном свете предвещает постепенное разрушение лирической интонации и переход в научную плоскость. Поэтически это артикулировано посредством восхищения, которое словно уводит читателя из атмосферы лунной магии. Оно выступает в качестве своеобразного метакомментария, предупреждающего о смене тональности:

...И вдруг восклицаю,  
Разрушаю чары: площадь,  
Описанная прямой, соединяющей  
Солнце и Землю, в 317 дней,  
Равна площади прямоугольника,  
Одна сторона которого – полупоперечник  
Земли, а другая – путь, проходимый  
Светом в год... [Хлебников 2020, II, 65].

Хлебников вводит в поэтический контекст геометрические понятия (*площадь, описать, прямая, прямоугольник, полупоперечник*) и обобщенно описывает путь, проходимый светом в течение года. Относительно последнего Е.Р. Арензон и Р.В. Дуганов в комментариях к произведению пишут: «...Речь идет о связи скорости света со скоростью обращения Земли вокруг Солнца...» [Арензон, Дуганов 2020, 514].

Далее автор начинает излагать собственную историософскую теорию. Лирический герой восхищается числом 317, которое у Хлебникова не только выступает в качестве концептуального математического образа, но и представляет собой одну из разновидностей колебательных волн времени: «...И вот в моем / Разуме восходишь ты, священное / Число 317, среди облаков / Неверящих в него...» [Хлебников 2020, II, 65]. Использование эпитета *священное* применительно к числу, исходя из дальнейшего контекста стихотворения, а также выходящих за его рамки научно-философских разработок поэта, понятно: для лирического «Я» и для самого Хлебникова 317 имеет крайнюю степень важности. Это обстоятельство сближает субъекта стихотворения и его автора. Дистанция между ними сокращается также посредством ввода в текст завуалированных автобиографических фактов. В образе *облаков неверящих в число 317*, как мы полагаем, художественно осмысливается скепсис относительно концепции Будетлянина со стороны общества и, в частности, ученых (например, математиков, которые слушали его доклады о колебательных волнах времени).

После сообщения о восходе в разуме героя числа 317 он исчезает, а читателю предоставляется ряд построчно записанных историко-математических вычислений. Смещение темы с лунного пейзажа на образы чисел и связанных с ними событий можно рассматривать как воплощение идей, которые раскрываются в сознании героя. Иными словами, лирическое «Я» не уходит из текста, а само становится текстом. Это происходит благодаря фиксации происходящих в мозгу мыслительных процессов, остранный передачи потока сознания:

...Струна Ia  
Делает 424 колебания в секунду.  
Удар сердца – 80 раз в минуту,  
В 317 раз крупнее.  
Петрарка написал 317 сонетов  
В честь возлюбленной.  
По германскому закону 1912 года  
В флоте должно быть 317 судов.  
Поход Рождественского (Цусима)  
Был через 317 лет после  
Морского похода Медины –  
Сидонии в 1588 году и  
Японцы в 1905 году.  
Германская империя в 1871 году  
Основана через  
317 × 6 после Римской империи  
В 31 году до Рождества Христова.  
Женитьба Пушкина  
Была через  
317 дней после  
Обручения [Хлебников 2020, II, 65–66].

Исходя из практики рецептивной эстетики, читатель вправе посчитать данный фрагмент не просто менее поэтическим, а вовсе прозаическим наукообразным текстом, которому искусственно сообщена стихотворная форма. С внешней стороны, это, безусловно, таковым и является. Заключительная часть представлена в близкой к верлибру форме и малопонятна без определенного контекста. Для полного осмысления необходимо обращение к биографии поэта и к его историософским сочинениям, в частности к статье «Время – мера мира», содержание которой отрывочно и воплощено во второй половине стихотворения.

Означает ли необходимость конкретного затекстового знания для понимания существенной части произведения, что стихотворение «Лунный свет» состоит из двух практически независимых друг от друга частей – лирической и научно-философской? Четкая композиционная структура (изображение лунного света с помощью поэтической этимологии + исторические события и математические расчеты) предполагает положительный ответ на данный вопрос. Однако этот подход представляется неполным, поскольку не учитывает концептуально значимого соединения различных дискурсов в сложное литературное целое. Предполагаем, что стоит рассматривать стихотворение не в качестве суммы частей, а как интегративное единство. Р.В. Дуганов, анализируя стихотворение, писал:

Свободный безрифменный стих, намеренно неуклюже переходящий в прозу, знаменует здесь движение темы от мифологии к истории, от луны к земле, от чар поэтического слова к трезвому числу. Но это все не означает отрицания поэтического слова как такового, просто здесь в светлое поле сознания выдвигалось скрытое за словом число, единая мера мира, «одним концом волнующая небо, а другим скрывающаяся в ударах сердца»; она-то и «волхвует словом» [Дуганов 1990, 92–93].

В «Лунном свете» изображаются различные отношения перехода, выраженные в следующих оппозициях: *небо / земля, божественное (бог луны) / человеческое (герой), чувственное (красота ночного пейзажа, лунного света) / рациональное (физика, математика, история)*, в своей совокупности отражающие плавное превращение поэтического впечатления в научную теорию. Стоит, однако, отметить, что в плане определения типа стиха Р.В. Дуганов не совсем прав. Да, «Лунный свет» в целом представляет из себя поэтический текст нерегулярного, околостихотворческого типа, но отнюдь не является безрифменным. Даже если не учитывать диссонансы (*сини – сени, силы – села*) и ассонансы (*сад – меня, ногой – твоего, моем – облаков, секунду – минутой*), стихотворение изобилует рифмами, хотя и в основном внутренними (*Син – сын, дня – вина – меня – волна, одной – ногой – другой*) в начале, а также снабжается точными контактными созвучиями в других частях текста («*Одна сторона* которого...», «*Светом в год. И вот в моем...*» [Хлебников 2020, II, 65]), в том числе рядом тавтологических рифм: «...Сидонии в 1588 году, / Англичане в 1588 году / И японцы в 1905 году. / Германская империя в 1871 году...» [Хлебников 2020, II, 65–66]. Отметим, что нечеткость схемы созвучий, как и осознанный частичный отказ от силлабо-тоники, характерна для версификации Будетлянина.

Используя романтический мотив лунного света, Хлебников создал поэтический сюжет научного прозрения, возникшего в процессе созерцания ночного пейзажа. Этот лирический нарратив позволяет интерпретировать стихотворение как рассказ о божественной инспирации: посредством обращения к богу луны герой смог открыть «законы времени» (точнее, лишь частный случай их проявления, связанный с числом 317). С другой стороны, Хлебников, скорее, художественно представил когнитивно-генеративный процесс, которому предшествует творческая интуиция: в таком случае образ Сина используется как яркая метафора (но также не стоит забывать о значимости Сина как лингвопоэтического образа, иллюстрирующего идею «внутреннего склонения»). Исходя из той серьезности, с которой Хлебников относился к концепции «законов времени», второе толкование представляется более точным. Таким образом, автор в художественной форме воплотил научно-философское осмысление цикличности исторических процессов и предпринял поэтическую попытку представить ее в виде «закона времени» – чередования колебательных волн 317 дней или лет.

В ходе анализа стихотворения «Лунный свет» была выявлена его двухчастная структура, в которой с помощью приема остранения интегративно сочетаются элементы художественного, научного и философского дискурсов. Рассмотрение стихотворения в избранном аспекте позволило на конкретном примере эксплицировать уникализм творческого метода Будетлянина. Промонстрированная стратегия литературоведческого анализа может быть использована для изучения иных текстов Велимира Хлебникова или произведений других авторов.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Арензон Е.Р., Дуганов Р.В. Примечания // Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. VI. М.: Академический проект; Трикта, 2020. С. 521–674.
2. Боклагов Е.Н. Концепция художественного творчества Велимира Хлебникова: философско-эстетический анализ: дис. ... к. философ. н.: 09.00.04. М., 2000. 145 с.
3. Васильев С.А. «Воин не наступившего царства» (Поэтический стиль Велимира Хлебникова). М.: МГПУ, 2015. 320 с.

4. Григорьев В.П. Будетлянин. М: Языки русской культуры, 2000. 816 с.
5. Дуганов Р.В. Велимир Хлебников: Природа творчества. М.: Советский писатель, 1990. 352 с.
6. Иванюшина И.Ю. Русский футуризм: Идеология, поэтика, прагматика: автореф. дис. ... д. филол. н.: 10.01.01. Саратов, 2003. 46 с.
7. Кузьменко В.П. «Основной закон времени» Хлебникова в свете современных теорий коэволюции природы и общества // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998) / под общ. ред. А.Е. Парниса. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 733–755.
8. Марков А.В. Звуковая кукла: Кант, Евреинов и Хлебников // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 3. С. 70–77.
9. Старкина С.В. Велимир Хлебников. М: Молодая гвардия, 2007. 339 с.
10. Степанов Н.Л. Велимир Хлебников: Жизнь и творчество. М.: Советский писатель, 1975. 280 с.
11. Тынянов Ю.Н. О Хлебникове // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998) / под общ. ред. А.Е. Парниса. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 214–223.
12. Хлебников В.В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Академический проект; Трикта, 2020.
13. Hansen-Löve A.A. Der russische Formalismus Methodologische Rekonstruktion, seiner Entwicklung aus dem Prinzip der Verfremdung. Wien: Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1978. 636 S.

## REFERENCES

### (Articles from Scientific Journals)

1. Markov A.V. Zvukovaya kukla: Kant, Evreinov i Khlebnikov [Sound Puppet: Kant, Evreinov and Khlebnikov]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya "Literaturovedeniye. Yazykoznanije. Kul'turologiya"*, 2024, no. 3, pp. 70–77. (In Russian).

### (Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Kuz'menko V.P. "Osnovnoy zakon vremeni" Khlebnikova v svete sovremennykh teoriy koevolyutsii prirody i obshchestva [Khlebnikov's "Basic Law of Time" in the Light of Modern Theories of Co-evolution of Nature and Society]. Parnis A.E. (ed.). *Mir Velimira Khlebnikova: Stat'i. Issledovaniya (1911–1998)* [Velimir Khlebnikov's World: Articles. Studies (1911–1998)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, pp. 733–755. (In Russian).
3. Tynyanov Yu.N. O Khlebnikove [About Khlebnikov]. Parnis A.E. (ed.). *Mir Velimira Khlebnikova: Stat'i. Issledovaniya (1911–1998)* [Velimir Khlebnikov's World: Articles. Studies (1911–1998)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, pp. 214–223. (In Russian).

### (Monographs)

4. Duganov R.V. *Velimir Khlebnikov: Priroda tvorchestva* [Velimir Khlebnikov: The Nature of Creativity]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990. 352 p. (In Russian).
5. Grigor'yev V.P. *Budetlyanin* [Budetlyanin]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 816 p. (In Russian).
6. Hansen-Löve A.A. *Der russische Formalismus Methodologische Rekonstruktion, seiner Entwicklung aus dem Prinzip der Verfremdung*. Wien, Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1978. 636 S. (In German).
7. Starkina S.V. *Velimir Khlebnikov* [Velimir Khlebnikov]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2007. 339 p. (In Russian).
8. Stepanov N.L. *Velimir Khlebnikov: Zhizn' i tvorchestvo* [Velimir Khlebnikov: Life and Work]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1975. 280 p. (In Russian).

9. Vasil'yev S.A. "Voin ne nastupivshogo tsarstva" (*Poeticheskiy stil' Velimira Khlebnikova*) ["Warrior of the Kingdom That Has Not Come" (Velimir Khlebnikov's Poetic Style)]. Moscow, Moscow City University Publ., 2015. 320 p. (In Russian).

**(Thesis and Thesis Abstracts)**

10. Boklagov E.N. *Kontsepsiya khudozhestvennogo tvorchestva Velimira Khlebnikova: filosofsko-esteticheskiy analiz* [The Concept of Velimir Khlebnikov's Artistic Creation: a Philosophical and Aesthetic Analysis]. PhD Thesis. Moscow, 2000. 145 p. (In Russian).

11. Ivanyushina I.Yu. *Russkiy futurizm: Ideologiya, poetika, pragmatika* [Russian Futurism: Ideology, Poetics, Pragmatics]. Dr. Habil. Thesis Abstract. Saratov, 2003. 46 p. (In Russian).

*Каменский Кирилл Владимирович,*

Курский государственный университет; Курская лаборатория судебной экспертизы Минюста России.

Аспирант кафедры литературы; государственный судебный эксперт.

Научные интересы: творчество В. Хлебникова, интертекстуальность.

E-mail: deconstruction@internet.ru

ORCID ID: 0009-0007-3354-5233

*Kirill V. Kamensky,*

Kursk State University; Kursk Laboratory of Forensic Expertise of the Ministry of Justice of the Russia.

Postgraduate Student at the Department of Literature; State Forensic Expert.

Research interests: the work of V. Khlebnikov, intertextuality.

E-mail: deconstruction@internet.ru

ORCID ID: 0009-0007-3354-5233